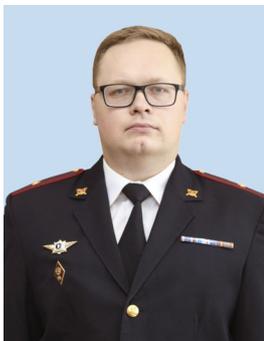

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-160-165>

Цифровые финансовые активы как технология фиксации имущественных требований и обмена данными о них

Гончаров Александр Иванович^{1, 2}, Садков Виталий Андреевич³, Орлова Алина Александровна⁴

¹Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

^{2, 4}Московский финансово-промышленный университет «СИНЕРГИЯ», Москва, Россия, <http://orcid.org/0000-0001-6580-4104>

³Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, <http://orcid.org/0000-0002-5171-7023>

¹gai-AlexanderGoncharov@yandex.ru

²wrendek@mail.ru

³alin.orlova@yandex.ru

Аннотация. Авторы исследуют феномен цифровых финансовых активов с позиций инновационной инвестиционной технологии. Критикуется дуализм законодательных положений, трактующих правовую природу этих активов. Обоснован вывод о том, что цифровые финансовые активы не являются ранее неизвестными российской правовой системе объектами гражданских прав, а представляют собой имущественные права, которые индивидуализированы в обороте уникальными информационными кодами. Будучи оборотоспособными инвестиционными активами, они имеют товарно-стоимостную природу, данные об их принадлежности обладателям, о переходе прав на них передаются посредством интернет-коммуникаций. В цифровых финансовых активах реализована информационная технология фиксации имущественных требований участников гражданского оборота и обмена данными о них; к ним могут быть представлены обязательственные требования, на которые не наложен законодательный запрет их отчуждения в рамках цессионных конструкций. Участники гражданского оборота благодаря этой инновационной технологии получают юридический эквивалент определенного обязательственного требования в цифровом виде, в том числе требования, фиксируемого в эмиссионных ценных бумагах, требования передачи таких ценных бумаг, а также корпоративных прав, определяемых участием в капитале непубличного акционерного общества. Использование цифровых финансовых активов предоставляет возможность физическим и юридическим лицам выстраивать инвестиционные отношения в условиях минимального посреднического нагромождения, вести финансовые сделки в прозрачном режиме, повышать доходность инвестирования, упрощать поиск контрагентов.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровые права, инвестиционная технология, информационные коды

Для цитирования: Гончаров А. И., Садков В. А., Орлова А. А. Цифровые финансовые активы как технология фиксации имущественных требований и обмена данными о них // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 160–165. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-160-165>.

© Гончаров А. И., Садков В. А., Орлова А. А., 2024

Благодарности: Исследование выполняется при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00475 «Государственное регулирование оборота цифровых финансовых активов и цифровых валют: построение экономико-правовой модели, превенция конфликтов, защита прав и законных интересов участников оборота», <https://rscf.ru/project/23-28-00475/>).

Original article

Digital financial assets as technology of fixing property claims and exchanging data about them

Alexander I. Goncharov^{1, 2}, Vitaly A. Sadkov³, Alina A. Orlova⁴

¹Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^{2, 4}Moscow Financial and Industrial University “SYNERGY”, Moscow, Russian Federation, <http://orcid.org/0000-0001-6580-4104>

³Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, <http://orcid.org/0000-0002-5171-7023>

¹gai-AlexanderGoncharov@yandex.ru

²wrendek@mail.ru

³alin.orlova@yandex.ru

Abstract. The authors explore the phenomenon of digital financial assets from the perspective of innovative investment technology. The dualism of legislative provisions interpreting the legal nature of these assets is criticized. The conclusion is substantiated that digital financial assets do not belong to objects of civil rights previously unknown to the Russian legal system, but represent property rights that are individualized in circulation by unique information codes. Being negotiable investment assets, they have a commodity-value nature; data on their ownership and transfer of rights to them are transmitted via Internet communications. Through digital financial assets, information technology has been implemented to record the property claims of participants in civil turnover and exchange data about them; they can submit mandatory requirements that are not legally prohibited from alienating them within the framework of assignable structures. Due to this innovative technology, participants in civil turnover receive the legal equivalent of a certain mandatory requirement in digital form, including a requirement fixed in equity securities, a requirement to transfer such securities, as well as corporate rights determined by participation in the capital of a non-public joint-stock company. The use of digital financial assets provides an opportunity for individuals and legal entities to build investment relationships with minimal intermediary participation, conduct financial transactions in a transparent manner, increase investment profitability, and simplify the search for counterparties.

Keywords: digital financial assets, digital rights, investment technology, information codes

For citation: Goncharov A. I., Sadkov V. A., Orlova A. A. Digital financial assets as technology of fixing property claims and exchanging data about them. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 3 (67), pp. 160–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-160-165>.

Acknowledgments: The research is carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00475 “State regulation of the turnover of digital financial assets and digital currencies: building an economic and legal model, conflict prevention, protecting the rights and legitimate interests of participants in the turnover”, <https://rscf.ru/project/23-28-00475/>).

В современной хозяйственной практике цифровая форма обработки, хранения и передачи информации позволяет значительно повысить эффективность управленческих, производственных и коммуникативных процессов. Компьютерная алгоритмизация процедур и операций во всех сферах общественных отношений проявляется в интенсивном использовании информационных технологий для передачи данных и обмена ими и прежде всего, в использовании сети «Интернет» [1]. Наряду с этим расширяется

применение робототехники, создаются особо мощные вычислительные системы, обозначаемые термином «искусственный интеллект», что свидетельствует о фактическом наступлении четвертой промышленной революции, широко известной как «Индустрия 4.0» [2, с. 57], технологическим фундаментом которой является *digitization* — цифровая форма существования и движения информации [3, с. 114]. Следует поддержать позицию Е. В. Михайловой, которая утверждает, что цифровизация имеет огромное

значение для гражданского оборота и предлагает рассматривать это явление в широком смысле слова [4, с. 40]. Актуальность удостоверения имущественных прав по конструкции цифровых финансовых активов и развитие оборота цифровых прав подтверждается положениями Указа Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [5].

Цифровые финансовые активы (далее — ЦФА) банковский работник А. Скородумов рассматривает как «упрощенную форму выпуска и обращения ценных бумаг» [6]. Мы не можем полностью поддержать указанного автора, поскольку выпуск большинства видов ценных бумаг осуществляется при обязательном участии Банка России. Кроме того, учет эмиссионных ценных бумаг, даже если они выпущены в бездокументарной форме, осуществляется исключительно в рамках централизованных реестров. В то же время приведенная позиция А. Скородумова отражает огромный потенциал ЦФА, использование которого, по нашему мнению, уже в обозримом будущем позволит трансформировать в цифровую форму все ценные бумаги, а также внесет существенный вклад в развитие финансовой технологии цифрового инвестиционного рубля.

Категория ЦФА является продуктом исключительно российской юридической техники. Легальным «днем рождения» данной юридической конструкции следует считать 31 июля 2020 года — день подписания Президентом Российской Федерации Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7] (далее — Закон о ЦФА). В соответствии со статьей 1 Закона о ЦФА российский законодатель с этими активами отождествляет четыре варианта требований имущественного характера, имеющих товарно-стоимостную природу и являющихся разновидностью более объемной категории «цифровые права»: 1) денежное требование; 2) возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам; 3) право участия в капитале непубличного акционерного общества; 4) право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

Цифровые права, согласно статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, являются имуществом, в частности имущественными правами. Как и все права, относимые российским законодателем к группе

«цифровые», ЦФА выпускаются, существуют, прекращаются внутри особой информационной системы, каждая из которых по своим правилам эксплуатируется субъектом специальной правоспособности, деятельность которого легитимизируется Банком России. Также российский законодатель установил критерии легитимности ЦФА. Во-первых, осуществление выпуска, учета и обращения этих цифровых прав возможно только посредством внесения или изменения специальных записей в базы данных особых информационных систем, построенных на принципах распределенного реестра (учитывая формулировки ст. 1 Закона о ЦФА, допускается построение таких информационных систем и на других принципах, причем иные основы построения информационных систем законодателем не обозначены). Во-вторых, осуществление выпуска имущественных прав, составляющих сущность конструкции ЦФА, возможно только в специальном порядке, установленном нормами Закона о ЦФА.

В статье 2 Закона о ЦФА определено, что в настоящее время возможность представить те или иные имущественные требования в виде ЦФА закреплена только за индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами. Публично-правовым образованиям и гражданам, не являющимся индивидуальными предпринимателями, право осуществлять какие-либо действия по выпуску ЦФА не предоставлено. Субъектный состав лиц, выпускающих ЦФА, зависит от вида имущественных прав, которые будут представлены как ЦФА. В частности, право на участие в капитале непубличного акционерного общества в виде ЦФА могут выпускать только непубличные акционерные общества, а возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам в виде ЦФА имеют только те лица, которым предоставлено право выпуска эмиссионных ценных бумаг.

Системный анализ норм Закона о ЦФА и других положений гражданского законодательства позволяет сделать вывод о том, что по своей сути ЦФА — это не новый вид имущественных требований (не известных ранее российской правовой системе), это новый способ фиксации определенной совокупности обязательственных и корпоративных прав участников гражданского оборота посредством использования информационного кода, обеспечивающего маркировку и способ обмена данными об имущественных правах, обозначенных российским законодателем в нормах пункта 2 статьи 1 Закона о ЦФА. Такая фиксация и обмен данными

осуществляются посредством использования цифровых технологий распределенного реестра в процессе функционирования информационных систем, позволяющих обеспечить должный уровень дистанционного взаимодействия контрагентов и безопасности на основе технологии блокчейн [8, с. 9].

В нормах Закона о ЦФА установлены критерии, которым должно соответствовать решение о выпуске ЦФА. Во-первых, такое решение должно приниматься, существовать и оформляться только в электронной форме. Во-вторых, в решении о выпуске ЦФА в обязательном порядке должны быть отражены сведения, указанные в статье 3 Закона о ЦФА. В-третьих, волеизъявление индивидуального предпринимателя или юридического лица, касающееся выпуска ЦФА, должно подтверждаться посредством проставления усиленной квалифицированной электронной подписи соответствующего индивидуального предпринимателя или лица, являющегося единоличным исполнительным органом организации, выпускающих ЦФА.

Лицо, желающее выпустить ЦФА, в обязательном порядке должно являться пользователем информационной системы (далее — ИС), в которой фиксируются и хранятся данные, касающиеся выпуска, вида и обладателя ЦФА. Причем размещение такой информации возможно только при посредничестве оператора, соответствующей ИС. Сведения о выпуске ЦФА в бесспорном порядке должны быть размещены на официальном сайте самого участника гражданского оборота, который принял решение о выпуске ЦФА, а также продублированы на сайте соответствующего оператора ИС. В случае отсутствия либо несовпадения этих сведений конкретный выпуск ЦФА следует считать неправомерным. Оператор ИС, в которой осуществляется выпуск ЦФА и фиксация данных о них, обязан гарантированно обеспечить тождественное дублирование таких данных во всех узлах распределенного реестра такой ИС, а также обеспечить доступность этой информации всем пользователям системы.

Оператором ИС, в которой осуществляется выпуск ЦФА, могут выступать только лица, обладающие специальной правоспособностью и включенные в ведущийся Банком России Реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА. По состоянию на 23 февраля 2024 года в таком реестре фигурируют 10 организаций. Тройку лидеров по объему выпусков ЦФА на начало 2024 года составляют Сбербанк, Альфа-банк, Промсвязьбанк.

Фактически посредством ЦФА — информационной технологии фиксации имущественных требований участников гражданского оборота и обмена данными о них — могут быть представлены все обязательственные требования, на которые в законодательном порядке не наложен запрет их отчуждения в рамках цессионных конструкций [9]. Участники гражданского оборота благодаря этой инновационной технологии получают юридический эквивалент определенного обязательственного требования в цифровом виде, в том числе требования, фиксируемого в эмиссионных ценных бумагах, требования передачи таких ценных бумаг, а также корпоративных прав, определяемых участием в капитале непубличного акционерного общества [7, с. 9]. Имущественные требования, неразрывно связанные с личностью обязанного лица, не могут быть представлены в виде цифрового юридического эквивалента обязательственного требования, их выпуск в ИС не допускается в силу неспособности к обороту.

Ограничение, связанное с личностью обязанного по ЦФА лица, обусловлено тем, что требования, представленные в виде ЦФА, должны относиться к категории свободнообращающихся прав, носящих товарно-стоимостный характер, иначе ценность такой конструкции просто-напросто нивелируется. Использование конструкции ЦФА предусматривает упрощение оборота соответствующих имущественных прав. Для отчуждения таких прав достаточно того, чтобы лицо, желающее передать требование, представленное в виде ЦФА, и лицо, желающее приобрести такое требование, обладали индивидуальным авторизованным доступом в ИС, функционирующую по технологии блокчейн и соответствовали критериям сделкоспособности по правилам именно этой информационной системы.

Лицо, являющееся пользователем ИС, в которой осуществляется выпуск ЦФА, имеющее свободные финансовые ресурсы и желающее приобрести эти инвестиционные активы (далее — инвестор) путем интернет-коммуникации и при посредничестве оператора ИС, в которой осуществляется выпуск ЦФА, заключает сделку по приобретению определенных ЦФА. С этого момента инвестор становится первым обладателем ЦФА. Конкретный вид ЦФА, промаркированный особым информационным кодом, их количество, сведения о лице-обладателе ЦФА дублируются оператором ИС по всем узлам распределенной базы данных по схеме блокчейна, а все узловые пользователи дистанционно

подтверждают обновление базы данных после каждой совершенной сделки. Дальнейшее приобретение/отчуждение ЦФА осуществляется при обязательном посредничестве еще одного специального субъекта — оператора обмена ЦФА. Реестр операторов обмена ЦФА ведется Банком России. В настоящее время в качестве оператора обмена ЦФА функционирует только одна организация — ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС».

Сделки с ЦФА осуществляются посредством исполнения в соответствующих ИС разнонаправленных заявок, поданных в целях приобретения/отчуждения ЦФА. Эти заявки учитываются посредством использования соответствующего программного обеспечения и при помощи компьютерной программы, функционирующей по технологии смарт-контракта. Записи о заключенной сделке и ее последствиях вносятся в распределенный реестр и также дублируются у каждого пользователя.

Как верно отмечает Е. Разумный, значительный интерес к ЦФА проявляют представители малого и среднего бизнеса, поскольку ЦФА по типу «цифровых облигаций» более доступны субъектам малого и среднего бизнеса, нежели классические бонды [10]. По нашему мнению, предусмотренную законодателем первую разновидность ЦФА — денежное требование — следует рассматривать в качестве виртуального аналога переводного векселя, гипотетически существующего в цифровом виде. Полагаем также, что заслуживает поддержки позиция Т. Э. Рождественской и А. Г. Гузнова, которые утверждают, что «ЦФА не могут считаться платежным средством» [11, с. 130]. При этом следует отметить, что ЦФА как имущественные права и одновременно информационные коды имеют не только товарно-стоимостный характер, присущий имуществу, но и в силу оцифровки имущественных требований характеризуются весьма высокой скоростью совершения транзакций в порядке исполнения сделок обмена.

ЦФА могут дробиться и консолидироваться, а также могут свободно и вариативно отчуждаться, представляя собой ценность как ликвидный инвестиционный актив для инвесторов, желающих эффективно разместить свободные денежные средства. Легитимность, простота и быстрота отчуждения и приобретения ЦФА, оперативность заключения сделок с ЦФА предопределяют востребованность ЦФА как со стороны инвесторов, так и со стороны получателей инвестиций в различных отраслях экономики, а саму конструкцию ЦФА позволяют трактовать как инновационную информационную технологию фиксации

имущественных требований участников гражданского оборота и обмена данными о них.

Использование технологии ЦФА предоставляет возможность субъектам гражданского оборота выстраивать инвестиционные отношения в условиях минимального посреднического участия, вести финансовые сделки в прозрачном режиме, повысить доходность инвестирования, упростить поиск контрагентов. Кроме того, нормы российского законодательства, предусматривающие комбинации ЦФА с утилитарными цифровыми правами, позволяют конструировать цифровые юридические эквиваленты имущественных требований, необходимых в том или ином предпринимательском проекте, повышают интерес бизнес-сообщества и инвесторов к инновационной информационной технологии ЦФА.

Список источников

1. Цифровая валюта в современной России: юридическое содержание и место в обороте / А. И. Гончаров, А. Н. Садков, В. А. Садков [и др.] // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 3. С. 128–153.
2. Тарасов И. В. Индустрия 4.0: понятие, концепции, тенденции развития // Стратегии бизнеса. 2018. № 6 (50). С. 57–63.
3. Tapscott D. The digital economy: Promise and peril in the age of networked intelligence. New York: McGraw-Hill, 1996. Vol. 1. P. 114–126.
4. Михайлова Е. В. Цифровизация охраны и защиты гражданских прав и законных интересов // Нотариальный вестник. 2023. № 01. С. 39–48.
5. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2901.
6. Литова Е. Зачем бизнесу цифровые финансовые активы // Ведомости. 2022. 9 июня. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/06/08/925659-zachem-biznesu-tsifrovie-finansovie-aktivi> (дата обращения: 14.02.2024).
7. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 июля 2024 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2024).
8. Садков В. А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот: автореф. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 22 с.
9. Digital Financial Assets as the Objects for Remote Digital Investment Transactions: Evolution and Worldwide Experience / A. I. Goncharov, A. N. Sadkov, V. A. Sadkov [and other]. In: Inshakova A., Matytsin D., Inshakova E. (eds) Remote Investment Transactions in

the Digital Age. Intel-ligent Systems Reference Library, vol 250. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-51536-1_14

10. Разумный Е. Станет ли ЦФА инструментом для малого и среднего бизнеса // Ведомости. 2023. 22 декабря. URL: https://www.vedomosti.ru/investments/articles/2023/12/22/1012587-stanet-li-tsfa-instrumentom?from=read_also=2 (дата обращения: 15.02.2024).

11. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Особенности правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов как организаций, обеспечивающих цифровые финансовые технологии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 9 (85). С. 124–134.

References

1. Digital currency in modern Russia: legal content and place in circulation / A. I. Goncharov, A. N. Sadkov, V. A. Sadkov [and other]. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2023, no. 3, pp. 128–153. (In Russ.)

2. Tarasov I. V. Industry 4.0: concept, concepts, development trends. *Business strategies*, 2018, no. 6 (50), pp. 57–63. (In Russ.)

3. Tapscott D. The digital economy: Promise and peril in the age of networked intelligence. New York: McGraw-Hill Publ., 1996. Vol. 1. P. 114–126. (In Engl.)

4. Mikhailova E. V. Digitalization of the protection and defense of civil rights and legitimate interests. *Notarial Bulletin*, 2023, no. 1, pp. 39–48. (In Russ.)

5. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: decree of the President of the Russian Federation no. 203 of May 9, 2017. *Collected Legislation of the RF*, 2017, no. 20, art. 2901. (In Russ.)

6. Litova E. Why Business Needs Digital Financial Assets. *Vedomosti*. June 9, 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/06/08/925659-zachem-biznesu-tsifrovie-finansovie-aktivi> (accessed 14.02.2024). (In Russ.)

7. On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal law no. 259-FZ of July 31, 2020 (as amended on August 4, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on July 1, 2024). Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.02.2024). (In Russ.)

8. Sadkov V. A. Digital financial assets as objects of civil rights and their turnover. Author’s abstract... candidate of legal sciences. Volgograd, 2022. 22 p. (In Russ.)

9. Digital Financial Assets as the Objects for Remote Digital Investment Transactions: Evolution and Worldwide Experience / A. I. Goncharov, A. N. Sadkov, V. A. Sadkov [and other]. In: Inshakova A., Matytsin D., Inshakova E. (eds) Remote Investment Transactions in the Digital Age. Intel-ligent Systems Reference Library, vol 250. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-51536-1_14. (In Engl.)

10. Razumny E. Will the digital financial asset become a tool for small and medium businesses. *Vedomosti*. December 22, 2023. URL: https://www.vedomosti.ru/investments/articles/2023/12/22/1012587-stanet-li-tsfa-instrumentom?from=read_also=2 (accessed 15.02.2024). (In Russ.)

11. Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G. Peculiarities of the legal status of the operator of the information system in which digital financial assets are issued, and the operator of the exchange of digital financial assets as organizations providing digital financial technologies. *Bulletin of the O. E. Kutafin University*, 2021, no. 9 (85), pp. 124–134. (In Russ.)

Информация об авторах

А. И. Гончаров — доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета; профессор кафедры банковского дела Московского финансово-промышленного университета «СИНЕРГИЯ»;

В. А. Садков — кандидат юридических наук, доцент кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России;

А. А. Орлова — младший научный сотрудник отдела научных программ, грантов и проектов УНИД Волгоградского государственного аграрного университета; магистр экономики, заместитель заведующего кафедрой банковского дела, старший преподаватель кафедры банковского дела Московского финансово-промышленного университета «СИНЕРГИЯ».

Information about the authors

A. I. Goncharov — Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of Civil and International Private Law at Volgograd State University; Doctor of Economics, Professor of the Department of Banking at the Moscow Financial and Industrial University “SINERGY”;

V. A. Sadkov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Legal Psychology at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

A. A. Orlova — Junior Researcher, Department of Scientific Programs, Grants and Projects, UNID, Volgograd State Agrarian University; Master of Economics, Deputy Head of the Department of Banking, Senior Lecturer of the Department of Banking at the Moscow Financial and Industrial University “SINERGY”.